

ВРЕМЯ К.Д. УШИНСКОГО (1860–1862)

1

В истории журнала середины XIX в. Константин Дмитриевич Ушинский занимает особое место. Бесспорно, этот великий педагог-практик, основоположник научной, природосообразной педагогики, одарённый литератор с гуманистическими воззрениями — классик и нашей культуры. С Ушинским связаны незабываемые страницы истории нашего журнала, в котором он публиковался, в котором служил. В этой главе мы попытаемся проанализировать некоторые статьи Ушинского, опубликованные в журнале, сделаем обзор купюр, с которыми эти классические произведения педагога печатались в XX веке. Ведь известно, что купюры нередко представляют самое существенное во всём тексте. Но сначала обратимся к фактам, связавшим судьбу Ушинского с судьбой «Журнала Министерства Народного Просвещения».

Ушинский был редактором журнала в течение недолгих полутора лет, с марта 1860 по ноябрь 1861 года; в это время он жил в Петербурге и служил инспектором классов Смольного института благородных девиц. На первый взгляд этот статус входил в противоречие с уже сложившейся к тому времени педагоги-

**Блажен, кто к злым в совет
не ходит,
Не хочет грешным в след
ступать.
И с тем, кто в пагубу
приводит,
В согласных мыслях заседать.**

М.В. Ломоносов

ческой концепцией Ушинского, основанной на демократизации образования и понимании великой воспитательной роли труда. Но в судьбе К. Д. Ушинского служба в Смольном институте не стала отступлением с занятых позиций. Получив возможность «истину царям с улыбкой говорить», Ушинский использовал свою близость к государственной элите и царской семье на благо просвещения, как это и следовало учёному ломоносовской школы. Подобно Ломоносову, Державину, Жуковскому, Ушинский и при дворе сохранял свободный ум и упрямый нрав. Впрочем, оговоримся: конечно, Ушинский не играл в придворной жизни такой важной роли, как его предшественники — поэты и учёные. Однако, как мы увидим, новые возможности принятого при дворе педагога сказались и на его работе в журнале.

Е. П. Ковалевский

Назначение в журнал Ушинский получил по собственной инициативе. Отметим этот факт: он стремился к журнальной работе, видя в ней и возможность для создания серьёзной исследовательской лаборатории, и широкие возможности для пропаганды передовых педагогических идей. Но делаться подневольным журнальным работником Ушинскому не хотелось: такая перспектива его тяготила. Константин Дмитриевич не без оснований мечтал стать самостоятельным организатором журнала, с помощью которого можно развивать прогрессивные общественные убеждения в народном просвещении. Об этом он подробно писал в своих письмах, адресованных императрице Александре Фёдоровне. В общении с «великими мира сего» Ушинскому, как и Ломоносову, помогал его литературный дар. Он умел впечатлить, владел и даром убеждения. К тому же к своей цели — в данном случае к журналу — Ушинский шёл не один месяц, шёл уверенно и терпеливо.

Ещё в 1859 году, в первые дни своего вступления в должность инспектора классов Смольного института, Константин Дмитриевич Ушинский обратился к министру просвещения Евграфу Петровичу Ковалевскому с просьбой разрешить издавать журнал «Убеждение». Сюжет, связанный с этим проектом, был своего рода предысторией работы Ушинского в «Журнале Министерства Народного Просвещения». Предполагалось критико-философское, педагогическое и психологическое издание. Абсолютно неясно, на какие средства Ушинский рассчитывал выпускать этот журнал, и, естественно, возникает вопрос: а не было ли сделано каких-либо авторитетных обещаний на этот счёт?..

Министр, получив заявление Ушинского, запрашивает по этому поводу Совет Воспитательного общества — нет ли с его стороны каких-либо препятствий к изданию журнала «Убеждение». В свою очередь, из Совета запрос был послан в IV отделение императорской канцелярии, которое курировала императрица, откуда и был получен ответ, что препятствий не имеется. К тому времени (1 марта 1860 г.) императором Александром II было «высочайше утверждено» представление министра Ковалевского о поручении редакции нашего журнала надворному советнику (соответствовало чину подполковника) Ушинскому. Таким образом, одобрение получили сразу два журнальных проекта, связанных с именем Ушинского, которому предстоял непростой выбор.

Свидетельств переговоров министра с Ушинским не сохранилось. Можно предположить, что Е. П. Ковалевского волновал разрыв, образовавшийся между возраставшим педагогическим движением в стране и «Журналом Министерства Народного Просвещения». В Ушинском видели человека, который способен приблизить журнал к насущным нуждам педагогов, — и министр убедил «надворного советника» отказаться от издания самостоятельного журнала и редактировать министерский. Реформированный журнал должен был стать педагогическим органом, в его основу предполагалось положить программу, разработанную К. Д. Ушинским для «Убеждения». Таковы были предложения Ковалевского. Со своей стороны Ушинский не мог не учесть те выгоды, которыми он воспользуется как редактор уже действующего и отлаженного журнального хозяйства.

2

Необходимость преобразования журнала уже давно была осознана и руководством министерства, и общественностью. На новом витке своей истории журнал начал издаваться с 1834 г., под эгидой министра графа С. Уварова и под руководством тайного советника К. Сербиновича. По существу, это был порой бессистемный ежемесячный сборник научных статей по всем разделам науки. Значительное место в журнале занимали и регулярно публиковавшиеся высочайшие повеления, а также все, подчас — самые мелочные, распоряжения министерства. Ушинский со свойственной ему прямотой называл журнал того времени *«совершенно бесхарактерным, в котором в продолжение около тридцати лет помещались статьи, не принимаемые другими журналами, и громадная медицинская диссертация об устройстве заграничных клиник попадалась рядом с переводом греческой трагедии, со статьёй о выделке лаков, с юмористическим разбором стихотворений и т. п.»*. И если журнал долго существовал в обстановке полной обеспеченности и академического спокойствия, то только потому, что до 1849 года он получал правительственную субсидию в размере 10 тысяч рублей. С прекращением субсидии журнал должен был существовать исключительно на средства подписчиков — обязательных и необязательных. Характерно, что первых было до 600, а вторых совсем немного.

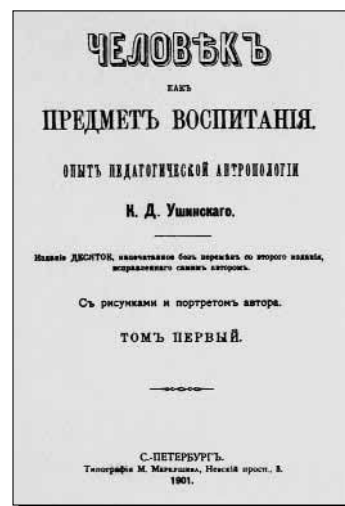
Вопрос об изменении содержания журнала и улучшении качества его публикаций был весьма насущным — только при таком условии журнал мог получить достаточное количество подписчиков. Министерство тревожило такое положение, и в 1856 году оно поручило возглавить журнал академику А. Никитенко — знаменитому цензору и литератору, чья судьба была связана и с пушкинским кругом, и с некрасовским «Современником». А.В. Никитенко был человеком талантливым, о чём свидетельствует его путь из «простонародья» в генералы, его умение выглядеть достойно в спорах с самим Пушкиным, наконец, его дневник, остающийся и до сих пор памятником русской классической литературы. И Никитенко принял меры по улучшению качества журнала, однако время требовало более энергичных усилий, значительно большего присутствия животрепещущей педагогической тематики. А при Никитенко магистральное направление журнала существенно не изменилось. Известно, что и министр А. Норов действительной помощи редакции не оказал. Необходимость обновления чувствовалась тем более сильно ещё и потому, что в России стали возникать частные педагогические журналы, министерство же собственного педагогического органа фактически не имело.

Новый министр Евграф Ковалевский в представлении об утверждении писал реалистично: «ЖМНП в настоящем своём виде не занимает в русской литературе места, которое принадлежит ему по праву как органу правительственного учреждения». В свою очередь, и Ушинский в убедительном объяснении через полтора года после начала издания писал, что ему была предложена работа, чтобы из журнала «совершенно бесхарактерного» сделать специальный орган министерства, то есть говорить о том предмете, которым министерство непосредственно занимается: о народном образовании. Отдавая безусловное предпочтение Ушинскому, министр Евграф Ковалевский надеялся, что его «педагогические и философские убеждения, выраженные в прежних печатных статьях, могут иметь полезное влияние на воспитание юношества, а через них и на самое молодое поколение». Таким образом, Ушинскому предоставлялась возможность в журнале министерства выразить то, что предполагал он представить в своём журнале «Убеждение».

Уже с марта на обложке журнала стала печататься новая программа. Приводим её с небольшими сокращениями.

К. Д. Ушинский

«ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

С июля 1860 г.

В состав Журнала Министерства Народного Просвещения входят:

1) Теоретические рассуждения и практические заметки по различным вопросам из области педагогики и дидактики.

2) Критические описания разного рода воспитательных и учебных учреждений, как русских, так и иностранных, в их современном состоянии и историческом развитии.

3) Биографии и автобиографии, в которых выражается влияние воспитания на характер и жизнь человека.

4) Критические разборы педагогических сочинений, учебников и детских книг.

5) Критические разборы русских и иностранных учёных сочинений по всем отделам науки, если они по содержанию своему могут иметь влияние на педагогическую деятельность.

6) Критические разборы чисто литературных произведений в таком только случае, если разбирающий находит в них отражение умственного и нравственного развития общества, или указывает на влияние, которое они могут иметь на это развитие.

7) Статьи физиологические, если в них решается, хотя косвенным образом, тот или другой вопрос физического воспитания.

8) Статьи психологические.

9) Из области истории только такие статьи, в которых раскрывается ход народного образования в том или другом народе, в тот или другой период времени.

10) Статьи философские, если они прямо или косвенно могут содействовать к определению и уясне-

Документ этот показывает, как серьёзно относился Ушинский к своей работе в журнале, ибо работа в качестве редактора отлично вписывалась в его концепцию педагога. Идея Ушинского состояла в максимально точном следовании поставленным задачам, что отражалось на рубрикации журнала и на его направлении. Особенно примечательно, что уже в то время К.Д. Ушинский понимал необходимость разграничения популярных и специализированных изданий. В русской, да и европейской журналистике того времени такое понимание было редким и потому особенно ценным. Ушинский готовил профессиональный журнал для педагогов, но общество было не готово к такой прямой и ясной ориентированности печатного издания. И нашего редактора, несомненно, ждали расплата за передовые взгляды, критика, непонимание...

К этому времени Ушинский уже основательно изучил прогрессивные течения европейской и американской педагогики, овладел психологией, философией, естествознанием — и всё это для того, чтобы утвердиться в уверенности: он может возглавить издание педагогического журнала. Министр Ковалевский и его окружение были знакомы с публикациями Ушинского, в которых он чётко заявлял о своей программе: как поднять воспитание из нынешнего его отсталого состояния на более высокую ступень. Воспитание должно соответствовать интересам и потребностям всего народа и подняться на уровень передовых стран Европы и молодой Америки, опытом которых необходимо воспользоваться. Конечно, увлечение иноземными учениями не означало космополитизма русского учёного. Он, что называется, «во всеоружии» пытался реформировать русскую педагогику сообразно принципам, которые Пушкин связывал с преобразованиями Петра Великого:

Не презирал страны родной,
Он знал её предназначенье.

Многое ещё нужно было возвращать на русской почве, а многое черпать из неё. Ушинский понимал это, ценил родной фольклор, его мудрость и поэтичность. Фундаментом журнала Ушинского должна была стать любовная забота о России, о благе её народа, преданность национальной науке и осведомлённость в путях и возможностях развития мировой науки.

Чтобы осуществить такую истинно революционную программу, Константин Дмитриевич привлёк в журнал новых сотрудников, сам много публиковался на его страницах, не брезгуя и черновой работой. Ушинский подготовил 18 книжек журнала, вышедших за время его работы редактором. Он подбирал статьи, снабжая их редакторскими примечаниями, предисловиями и заключениями. Воистину он работал в журнале как боец, трибун и галерник, стремясь раскрыть на его страницах свои педагогические убеждения, увлечь за собой учителей и других деятелей просвещения. Посетуйте, что об этом аспекте деятельности Ушинского пока нет фундаментального исследования. А ведь сказать есть о чём!

В конце 1860 года главный редактор пишет в Тверскую область своему другу и корреспонденту И.С. Белюстину (его публикации подписывались *Весский* или одной литерой Б.): «С горечью должен сознаться, что у меня до сих пор нет ни одного сотрудника по журналу в истинном, настоящем значении этого слова. <...> Материалов бездна, идей, которые необходимо распространить, тоже очень много; жажда учиться в публике пробудилась; жатва обильна, но деятелей мало. Молю Господа Бога, чтобы Он дозволил провести хоть сотую долю тех идей, которые рождались и рождаются в душе моей, доставляя мне великое счастье и вместе с тем

СОДЕРЖАНИЕ
СТО ДВЕНАДЦАТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

—
ОТДѢЛЪ I
ПЕДАГОГИКА и ДИДАКТИКА.

Мысли о жизни. Статья первая. В.	1
Письма къ матери о физическомъ и духовномъ воспитаніи ея дѣтей. Д-ра Карла Шендта. Переводъ съ вѣмецкаго	23, 119 и 191
Изъ педагогической практики директора частнаго пансіона. Ю. Р.	10
Народныя школы въ Соединенныхъ королевствахъ Великобританіи и Ирландіи.	73 и 151
Дѣтвѣи - учительницы. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). В. О преподаваніи отечественнаго языка въ Германіи. Модзалевскаго	108 172

—
ОТДѢЛЪ II
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ НАУКИ.

Кольцевъ какъ народный поэтъ. В. Ведвезова.	1 и 19
О преподаваніи исторіи въ германскихъ и англійскихъ университетахъ. (Отчетъ магистра Вагера)	37
Физиологическія очерки. П. Чеввинскаго (окончаніе).	57

ОТДѢЛЪ III
КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Дѣтскія книги. Изданія Вольфа. Переводы. Д. Семенова.	1
Начальный курсъ Географіи по методу Корнелъ. Д. Рувольство къ Богоявленъ Григорьеву. Д. Михайлова. Русскіе педагогическіе журналы. «Учитель» А. Филинова.	12 20 35 и 59
Отвѣтъ на рецензію г-на Толля. К. Ушинскаго	87
Самоучитель русскаго языка для Карпюковъ. Святана Мивдали Пиралаева	107
Разсказы изъ русской исторіи В. Водовозова. А. Ф. Хрестовати. Изданія общества распространеніи полемикъ книгъ. А. Ф.	110 122
Материалы для Географіи и Статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Д. Семенова	127

—
ОТДѢЛЪ IV.
ИЗВѢСТІЯ и СМѢСЬ.

Свѣдѣнія о духовныхъ лицахъ, съ особеннымъ усердіемъ занимающихся первоначальнымъ образованіемъ дѣтей	3
Извѣстія о Московскомъ музее и Публичной библиотекѣ Сельскія приходахъ училища Трубченскаго округа	7 9
Школы для образованія ремесленнаго класса въ Финляндіи	14
Общество извѣстное подъ именемъ «союза англискаго церкви для разношерстной торговли книгами»	20
Открытие въ Петровской женскаго училища и асть губернскаго гимназій	25
Извѣстія изъ Гродно	27
Общество для распространенія грамотности въ Подтавъ	29
Приготовительное училище въ Казани.	30
Объ открытіи въ г. Нолнскѣ уѣзднаго училища.	31
Открытие въ Романовѣ (Ярославской губерніи) женскаго приходскаго училища.	34

Новое содержаніе журнала

великую муку. Но силы физическія мои ослабеваютъ и даже глаза мои, которые служили мнѣ безъ обмана, изменяютъ.

Неожиданно его журналъ попалъ подъ огонь критики ряда газетъ и журналовъ, причѣмъ какъ правой, такъ и левой ориентации. Приходилось реагировать, отрываясь отъ делъ: «Направление, которое я провожу, чуждо безъ исключенія всемъ русскимъ журналамъ, и я, кроме брани, ничего не ждалъ и не жду. Но я готовился къ этому, принимаясь за изданіе журнала. По чистоте моихъ намереній и по озлобленію всехъ противъ меня я буду судить о необходимости говорить то, что уже готово и что начну высказывать съ первыхъ книгъ будущаго года! Надеюсь, что стану «притчей во языцехъ», и приготовился къ этому».

И действительно, на Ушинскаго обрушились всевозможныя мелочныя и крупныя обвиненія: почему журналъ не приноситъ прибыли, почему онъ не обличаетъ анархическихъ и материалистическихъ тенденцій другихъ журналовъ? (Современникъ, 1861, № 5, 6, 8). «Современникъ» напалъ на Ушинскаго, желая, очевидно, разоблачить консервативную политику Министерства народнаго просвѣщенія. Ушинскій писалъ: «Въ критикѣ, или лучше, въ бранной статьѣ, помещенной на мой счетъ въ «Современникѣ», прямо обвиняютъ меня, что я чей-то органъ, чей ужъ, я этого до сихъ поръ не знаю. Статья эта до того бездоказательна и глупа, что я и отвѣчать не буду. Что бы вы отвѣчали пьяному мужику, если бы онъ выругалъ васъ по-матерному, неужели бы вы стали доказывать, что ваша мать была честная женщина?»

«Старались» и другіе. Въ письмѣ тому же Белюстину Ушинскій пишетъ: «Въ «Русскомъ мирѣ» разругали мой «Трудъ», да ужъ кстати тутъ же задели и «Вопросы жизни» г. Пирогова. Досталось намъ обоимъ! Спасибо, что поставили рядомъ: я сознаюсь откровенно — этой чести не заслужилъ».

Между темъ К.Д. Ушинскій, ставъ редакторомъ журнала, начинаетъ сотрудничество съ Александромъ Николаевичемъ Пыпинымъ, двоюроднымъ братомъ Н.Г. Чернышевскаго и самымъ выдающимся прогрессистомъ изъ русскихъ учѣныхъ того времени. Объ А.Н. Пыпинѣ следуетъ рассказать особо.

нию цели и задачи народнаго просвѣщенія.

11) Перечни и обозрѣнія статей, появляющихся въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, но за исключеніемъ статей чисто беллетристическаго содержанія.

Все вышеупомянутыя статьи составятъ въ журналѣ четыре отдела, а именно:

- I. Педагогика и дидактика.
- II. Вспомогательныя науки.
- III. Критика и библиографія.
- IV. Извѣстія и смѣсь.

Въ журналѣ министерства напечатанъ «Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ вѣдомства Министерства народнаго Просвѣщенія», для того чтобы вызвать критическія замечанія опытныхъ педагоговъ на этотъ «Проектъ». Заметки эти, полностью или въ сокращеніи, будутъ также помещены въ журналѣ.

Официальная его часть, состоящая изъ правительственныхъ распоряженій, будетъ выходить отдельными листами. (...)

При журналѣ редакция предполагаетъ издавать особыя приложенія, состоящія или въ оригинальныхъ произведеніяхъ русскихъ педагоговъ, или въ переводахъ замечательныхъ иностранныхъ педагогическихъ сочиненій и учебниковъ. Все подобнаго рода приложенія будутъ высылаться бесплатно лицамъ, подписавшимся на журналъ.

Авторы и переводчики, желающіе помещать свои статьи въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, могутъ присылать ихъ въ редакцію съ означеніемъ: желаютъ ли они, чтобы статьи были напечатаны безъ измененийъ, или дозволяютъ сдѣлать въ нихъ измененія и сокращенія, которые редакция сочтѣтъ необходимыми. (...)

Редакторъ К. Ушинскій»

Журнал Министерства
Народного Просвещения 1861 г.
Ред. К.Д. Ушинский № 2, часть 109

ПЕДАГОГИКА И ДИДАКТИКА

1

Отрешённые от чувства, все нравственные способности наши утрачивают свой оттенок божественности, свою безусловность и становятся рабами нашего эгоизма, страстей и расчёта. Вследствие этого очень умные и деловитые личности часто бывают поражены бесплодностью духа. Вследствие того же самая обыкновенная личность может обладать красотой, гармонией нравственной, высказывающейся в ясности, равновесии всего нравственного существа человека и оплодотворяющей остальные способности его.

Чувство есть самая непосредственная, простая из способностей нашего духа. Оно рождается вместе с духом, во мгновение рождения человека, функции его независимы от сознания и воли, а потому и развитие более подвержено случайностям, нежели развитие других способностей духа. Часто то, что должно бы, по нашим соображениям, развить чувство, подавлять его, отклоняя от естественного развития и наоборот: нередко чувство развивается именно тем, что, по своим свойствам и существу, казалось бы, способно только подавить или исказить его. Оттого с чувством надо обходиться крайне осторожно, особенно в детстве, когда оно ещё не приобрело навык уходить в себя и таким образом отчасти устраняться от постороннего влияния. Тут самое лучшее — вовсе отказаться от положительного действия на него, ограничиваясь одним устройством обстановки дитяти на благоприятных для воспитания чувств основаниях и только изредка, через посредство ума и воображения, направляя и возбуждая его.

Много ошибок делается в воспитании вследствие того, что хотят растолковать то, что надо бы заставить почувствовать. Сколько ни объясняйте человеку достоинство изящного, истины и нравственного, но если у этого человека недостаёт чувства изящного, добра и истины, то слова ваши останутся для него звуками, лишёнными содержания. Чувство не может быть ни заменено, ни воспи-

В то время читающую Россию (да и Россию чиновничью) сотрясали дискуссии о нигилистах, о тургеневском романе «Отцы и дети»; иным охранителям всюду мерещились Базаровы, а иные Базаровы готовы были отрицать и перечёркивать всё и вся. Бойкие перья талантливых литераторов-журналистов разных направлений — Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Зайцева, Антоновича, Каткова — определяли историю отечественной журналистики того времени. Власти относились к набравшей силу прессе с возраставшей подозрительностью. Между молотом и наковальней оказался и редактор «Журнала Министерства Народного Просвещения».

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) родился на Волге, в Саратове, в дворянской семье. Окончил Саратовскую гимназию и уже гимназистом обнаружил как литературные способности, так и страстный характер правдолюбца, искателя справедливости. Всю жизнь он будет пытаться совместить свою научную систему с этикой. После гимназии он поступает в Казанский университет, оканчивает первый курс историко-филологического факультета, после чего переезжает в Санкт-Петербург, где в 1853 году завершает университетский курс и становится кандидатом историко-филологического факультета. Сергей Афанасьевич Венгеров, также автор нашего журнала, написал энциклопедическую статью о Пыпине. Мы считаем необходимым привести почти полностью текст этой статьи, в которой талантливый учёный отдаёт дань своему предшественнику; отметим, что в статье Венгерова сохраняется аромат эпохи начала XX века и её восприятие пыпинским поколением. Атмосфера журнальных и академических сражений близкого прошлого передаётся Венгеровым с едва уловимой элегической интонацией:

«Ещё студентом Пыпин напечатал свой первый труд — «Словарь к новгородской летописи» в «Сборнике Академии Наук» (1852, № 3). Это было участие в работе над словарём древнего русского языка, предпринятой И.И. Срезневским, и где другими участниками были Н.Г. Чернышевский, П.А. Лавровский и др. Первой журнальной статьёй Пыпина было исследование о драматургии XVIII века Лукине («Отечественные Записки», 1853 год)... это был отрывок из его кандидатской диссертации. С тех пор он принимал довольно деятельное участие в «Отечественных Записках» рецензиями и статьями по истории литературы. Сосредоточив свои занятия на древней русской повести, Пыпин в 1857 году защитил магистерскую диссертацию «Очерк литературной истории

А.Н. Пыпин

старинных повестей и сказок русских». Здесь впервые дана история русской повести, начиная с заимствований из византийских и южнославянских источников и кончая повестями, сложившимися под западным влиянием, и первыми попытками оригинальной бытовой повести XVII века...

В 1858 году Пыпин был послан на два года за границу для приготовления к кафедре истории европейских литератур. Во время этого путешествия он побывал, между прочим, и в славянских землях (2 путевых очерка — «Из Венеции» и «Из Флоренции» — появились в «Современнике» в 1859 году). По возвращении он был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора и в 1860/61 учебном году читал лекции по истории провансальской и средневековой французской литературы. В ноябре 1861 года он подал в отставку (одновременно с Кавелиным, Спасовичем, Стасюлевичем и Борисом Утиным), вследствие нарушения нормальной жизни университета после студенческих волнений, вызванных введением новых правил (матрикул) и обязательного для всех студентов взноса за слушание лекций.

С 1863 года Пыпин принял ближайшее участие в «Современнике». Он был членом редакции журнала, а несколько позднее (с 1865 года до приостановки в 1866 году) — ответственным редактором его (вместе с Некрасовым)...

С середины 60-х годов, и особенно после закрытия «Современника», Пыпин некоторое время усердно занялся переводческой деятельностью. Часть под его редакцией, частью в его переводе появились историко-литературные и исторические сочинения Шерра, Геттнера, Дрэпера, Лекки, Тэна, Рохау, Бентама. Вместе с М.А. Антоновичем он перевёл «Историю индуктивных наук» Уэвеля. В 90-х годах под редакцией Пыпина вышли «История немецкой литературы» Шерра и «Искусство с точки зрения социологии» Гюйо. В 1865 году вышел первоначально составлявший дополнение к «Всеобщей истории литературы» Шерра, совместный труд Пыпина и В.Д. Спасовича (последнему принадлежит очерк истории польской литературы), «Обзор истории славянских литератур». В 1874—1881 годы эта книга появилась 2-м изданием в значительно переработанном и расширенном виде под заглавием «История славянских литератур». Этот капитальный труд (переведён на немецкий, чешский и французский языки), представляющий собой единственное до сих пор обстоятельное изложение судеб тысячелетней истории литературы западных и южных славян, чрезвычайно замечателен не только как свод того, что сделано в области изучения духовной жизни славянства, но и по истинно научному методу своему...

В начале 1870-х годов Академия Наук избрала Пыпина своим сочленом по кафедре русской истории. Но вследствие энергического противодействия тогдашнего министра народного просвещения графа Д.А. Толстого — противодействия, доведённого до высших сфер, — утверждение замедлилось, и Пыпин, чтобы прекратить неловкое положение учреждения, отказался от избрания...

Трисвятое.	
Святый Боже, Святый крепкий, Святый безмерный, полнота наша.	Святый Боже, Святый крепкий, Святый безмерный, полнота наша.
Молитва Пресвятой Троицы.	
Пречиста Троице, полнота наша: Ты, очисти грехи наша; Иже, прости беззакония наша: Святый, посети и исцели нашеи наша, Ижеи Твое роде.	Пресвятая Троице, полнота наша, Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззако- ния наша; Святый, посети и исцели немощи наша имеве Твоего ради.
Молитва Пресвятой Богородицы.	
Богородице Дво, радостна, благословенна Мари, Ты еси наша, иже, прости беззакония наша, и благословенна иже родеи Твоего, яко Ты еси родеи днх наших.	Богородице Дво, радуи, благословенна Мари, Господи еси наша; Тобою: благословенна Ты еси женств, и благословенна иже родеи Твоего, яко Ты еси родеи днх наших.
Молитва Духу Святому.	
Црю истинный, Оутешитель, Дше истинны, Иже воздъ и вса испомогаи, гсрбни	Црю небесный, Утешитель, Дше истинны, Иже воздъ и вса исполняи, сокро-

Молитва из книги «Родное слово»

тано умом: отсюда-то и трудность воспитания чувства, вообще обхождения с ним. Кроме того, чувство часто очень трудно угадать там, где оно есть, очень легко предположить там, где его нет; ничто не случается чаще, как ложное истолкование чужого чувства и вследствие того — ложные приёмы в воздействии на него.

По всем этим причинам мы полагаем воспитание чувств возможным только с помощью строя всей жизни нашего питомца. Там, где это невозможно, лучше предоставить чувство питомца на произвол случая, нежели хотеть действовать на него непосредственно убеждением или даже насилем, бранью, укорами и проч. В этом последнем случае неизбежно утратятся непосредственность чувства, откровенность и являсь притворство, лживость, лицемерие и подлость; чувство заглохнет, цвет духовного мира увянет и на его место воцарится холодный рассудок с его вечным, повседневным расчётом.

Для того чтобы хотя несколько облегчить для воспитателя обхождение с чувством, укажем на некоторые признаки, по которым он может угадать присутствие этой способности в своём питомце. Вообще у девочек обыкновенно больше чувства изящного и чувства добра, у мальчиков больше чувства истины. От того девочки опрятные, более занимаются собою и своею обстановкою, более

П Е Д А Г О Г И К А И Д И Д А К Т И К А
любят цветы, картинки, притом же бескорыстные, самоотверженные, склонные к дружбе, к нежности, к милосердию, к участию в чужом горе, но менее откровенны, прямые, правдолюбивы, нежели мальчики. Но, с другой стороны, девочки гораздо нервнее, впечатлительнее мальчиков, притом воображение у первых обыкновенно живее.

Удивляться надо, как мало воспитатели и родители обращают внимание на правильное развитие у детей чувства, в особенности если знаешь, что весь колорит, весь характер жизни человека зависит от присущности и правильности развития этой способности. Можно быть гениальным человеком, каков был Наполеон, и, по недостатку чувства, творить одно зло; можно, по порывистости страстей, глубоко упасть, даже впасть в преступления и усвоить себе кучу пороков, и чувство, если оно есть, рано или поздно способно извлечь человека из тины зла. Часто слышишь рассуждения о том, что из детей, воспитанных одними и теми же лицами, по одной и той же методе, при одних и тех же условиях, одно стало примерным гражданином и истинным человеком, другое — негодяем, плутом или развратником. Всмотритесь поближе в дело — виною такой несообразности было неумение воспитателя взяться за чувство последнего из этих детей. Человек, в котором тепло и глубоко чувство, даже посреди самой порочной жизни, ближе к совершенству, нежели эгоист, никогда не увлекшийся и не впадавший в ошибки. Поэтому-то и постараемся показать, насколько это возможно, некоторые общие приёмы для обхождения с этою способностью в детстве. Пусть всякий воспитатель, определив, в какой степени и какого рода чувством обладает его питомец, возьмёт из наших указаний только именно пригодное для этого ребёнка, отбросив остальное, а главное, пусть он из наших указаний почерпнёт убеждение в важности воспитания у детей чувства.

II

1) О воспитании чувства изящного

История искусств и художеств есть ничто иное, как картина стремлений творческой фантазии к удовлетворению постепенно совершенствующегося и развивающегося чувства изящного, в смысле потребности красоты. По мере того как фантазия удовлетворяет чувство изящного известной эпохи, потребность всё высшего идеала красоты побуждает фантазию к новым усилиям, которые, удовлетворяя чувство

Главное возражение, которое автор противопоставляет односторонностям славянофильства и теории «официальной народности», заключается в том, что «национальность, как стихия историческая, способна к видоизменению и усовершенствованию, и в этом именно возможность и надежда национального успеха». При неподвижности основ Россия не заимствовала бы из Византии христианства, а московское самодержавие не сменило бы собой удельно-вечевой быт.

Биография Белинского, по частям печатавшаяся в «Вестнике Европы» 1874—1875 годы, в своё время привлекла к себе чрезвычайное внимание. Она даёт подробные и совершенно новые сведения не только о самом Белинском, но и друзьях его — Станкевиче, Вас. Боткине, Герцене, Бакуnine и многих других, извлечённые из их переписки, впервые здесь обнародованной...

Автор включает в свой поражающий эрудицией труд не только этнографов в узком смысле этого слова, но и всех исследователей русского народного творчества... и даже всех теоретиков вопроса о народности, вплоть до публицистов-«народников» 80-х и 90-х годов, вроде покойного Каблицы-Юзова. В соединении с тем, что здесь даны обстоятельные биографии и характеристики длинного ряда русских учёных и публицистов, труд Пыпина является одним из самых капитальных историко-литературных пособий наших.

В «Истории русской литературы» нет обычного в сочинениях подобного рода повествовательного элемента. Краткие биографические данные приведены только в примечаниях к отдельным главам. Задача сочинения — отметить главные литературные течения. Заслуга его в том, что это первый свод огромного количества специальных исследований последних 20—30 лет, часто не приходящих ни к каким общим выводам. Пыпин интересуется только общими контурами, общей картиной хода русской литературы, впервые здесь представленной с такой рельефностью...

Каждого из 7 капитальных сочинений Пыпина, в совокупности составляющих 15 томов... было бы совершенно достаточно, чтобы обеспечить ему очень видное место в истории русской учёности. Принадлежность же всех этих сочинений, столь высоко авторитетных, одному лицу представляет собой явление почти беспримерное в нашем учёном мире. Вот почему общественное мнение, без различия направлений, с особым сочувствием встретило в конце 1897 года известие, что Академия Наук, по прошествии 26 лет, снова избрала Пыпина своим сочленом. На этот раз избрание Пыпина ординарным академиком (отделение русского языка и словесности) получило утверждение. С. Венгеров». В журнале А.Н. Пыпин заведовал отделом рецензий.

Да, Александр Николаевич Пыпин остался в истории и как поистине своеобразный комментатор уваровской идеологии, главным рупором которой, как мы знаем, был «Журнал Министерства Народного Просвещения», в который Пыпина пригласил Ушинский. И мы всегда будем обращаться к работам А.Н. Пыпина

потому, что он был основоположником (и одним из немногих в XIX веке последовательных апологетов) отношения к литературе и культуре в целом как к одному из явлений истории общества. Социологический подход к истории литературы, к истории культуры, в разных преломлениях господствовавший в нашей науке в XIX веке и поныне сохраняющий актуальность, ведёт своё начало именно с работ А.Н. Пыпина, сотрудника «Журнала Министерства Народного Просвещения». И Ушинский ценил его, несмотря на свои сложные отношения с Чернышевским, несмотря на свою глубокоую религиозность.

Ушинский боролся изо всех сил, отстаивая свои редакторские принципы, и в стенах министерства ему удавалось отстаивать позицию и программу журнала, пока министром оставался Ковалевский. Однако сменивший его адмирал граф Евфимий Васильевич Путятин (фигура значительная и колоритная) высказал намерение снова изменить программу органа министерства, преобразовав его в периодическое издание прежнего типа, посвящённое вообще всем наукам.

3

Административная воля Путятина вошла в противоречие с программой великого педагога — редактора журнала. Но Ушинский не сдавался и сделал попытку доказать ошибочность мнения адмирала в докладной записке директору Департамента народного просвещения И.Д. Делянову (впоследствии министру), в которой высказал принципиальные положения, позволившие бы ему продолжить работу редактором журнала, будь они приняты:

«1. Настоящее педагогическое направление журнала соответствует более всего предмету деятельности министерства, которое более должно заботиться об образовании народа, чем о движении науки вперёд.

2. Правительство не теряет даром своих денег, распространяя между наставниками юношества здоровые нравственные убеждения и полезные сведения по делу воспитания.

3. Официальный журнал, падавший 30 лет, не может быть поднят скоро, особенно без эксцентрических средств. <...>

5. Направление журнала должно быть прежнее, но возоставить можно сделать его гораздо полезнее».

Делянов (тогда ещё не граф) переслал записку Ушинского графу Путятину. В ответ от адмиральского секретаря вскоре пришло уведомление о приказании министра издавать журнал на основаниях, бывших при Сербиновиче. Ушинскому оставалось только послать министру своё заявление: «По усилившемуся в настоящее время расстройству моего здоровья я нахожу невозможным соединять должность редактора журнала с должностью инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища. По сему имею

ПЕДАГОГИКА И ДИДАКТИКА

на высшей степени его развития, снова рождают потребность совершеннейшей красоты. В этом-то именно и заключается относительная справедливость теории искусства для искусства, искусства, имеющего целью одну красоту.

Красота есть полное, совершенное выражение идеи в форме; поэтому простота, строгость, благородство стиля, свободного от вычурности и посторонних прикрас, есть одно из необходимых условий совершенной красоты.

Глубина же чувства возможна единственно в таком случае, если оно безусловно и имеет цель свою в самом себе, в эстетическом наслаждении предметом. Правда, в детстве и мужского пола дети у нас мало встречают случаев к развитию в этом последнем смысле чувства изящного; но зато оно у них гораздо менее искажается воспитанием, и потому в позднейшие лета, при благоприятных обстоятельствах, легче развивается в глубину, что чрезвычайно редко случается с нашими женщинами, у которых чувство изящного воспитано перед зеркалом, на модных картинках и с целью привлечения взглядов женихов и внушения зависти приятельниц.

Впрочем, спешим оговориться: мы несколько не против того, чтобы ребёнок занимался своею наружностью. Мы даже почитаем зеркало необходимою мебелью в детской и видим в нём довольно сильный рычаг для воспитания чувства изящного и отчасти даже нравственного чувства. Но в том-то и дело, что одно и то же средство в руках различных воспитателей может в одно и то же время быть и полезным, и вредным. Всё зависит от употребления, делаемого из него.

Уже в раннем возрасте, вместо того чтобы принуждать дитя к скучному и неприятному акту умывания и причёсывания, гораздо лучше было бы прямо с постели, с заспанными и опухшими глазами, лоснящимися щёчками и расчёсанными волосами, подносить его к зеркалу, для того чтобы показать — как много его наружность теряет от неприятности. Оскорблённое чувство изящного скорее, нежели угрозы, принуждение и убеждения, заставит его сделать над собою усилие — и дитя само попросит умыться и причёсать его. Мало того: частое рассматривание себя в зеркале может послужить даже к развитию воли в дитяти. Видя себя в нём плачущим, гневным, обижающимся, дитя, из опасения исказить свою наружность, может научиться самообладанию. Это рассматривание себя в разные минуты жизни, в разных нравственных положениях, наглядным образом покажет ему связь между наружностью и движениями души.

П Е Д А Г О Г И К А И Д И Д А К Т И К А

Мы не видим ничего дурного в том, чтобы приучать дитя всегда быть хорошо, к лицу и изящно, просто одетым. Кроме того, что это способствует развитию чувства изящного, это ещё и внушает уважение к своему человеческому достоинству, некоторую благородную смелость в обращении и содействует приобретению ловкости и грации телодвижений. Но и в этом отношении дитя должно иметь в виду одно только собственное чувство изящного, а отнюдь не мнение других людей.

Красота теряет от великолепной обстановки: одна простота идёт к ней. Поэтому мы даже желали бы, чтобы в комнатах, в которых обыкновенно проводит время ребёнок, всё было просто, опрятно и по возможности изящно.

Летом надо часто водить ребёнка в такие местности, в которых природа является во всём своём блеске, величии и прелести. При этом воспитатель, избрав самую выгодную точку зрения, может обращать внимание ребёнка на черты, которых он по ветрености, свойственной возрасту, может не заметить, но не должен стараться объяснить необъяснимое. Довольно одного жеста, одного взгляда, одного восклицания восторга, чтобы заставить дитя, обладающее чувством красоты, всматриваться в прекрасное местоположение: остальное доскажет ему его собственное чувство; и напротив, никакие разглагольствия не пробудят восторга к картине природы в человеке со слабым или притуплённым чувством изящного.

Если родители считают обучение музыке совершенно необходимым, то мы предложили бы начать его с пения, а не с какого-нибудь инструмента. Кроме того, что пение способствует развитию органа дыхания, что оно непосредственное, определённое и полнее выражает музыкальную идею, что в нём чаще и повсюднее можно упражняться, кроме того — обучение ему менее механично, менее надоедает ребёнку. Конечно, для этого надо, чтобы уроки пения также не заходили слишком далеко, чтобы из ребёнка не желали сделать маэстро, а чтобы его учили нотам и управлению голосом лишь настолько, сколько нужно для того, чтобы петь несложные мотивы народных песен.

Конечная цель развития чувства изящного — возбуждение в человеке идеала красоты. В этом отношении весьма полезно в возрасте, в котором понятия ребёнка уже достаточно развиты и воображение довольно сильно, знакомить его с образцами поэзии, в особенности с образцовыми произведениями, написанными собственно для детского

честь покорнейше просить Ваше сиятельство об увольнении меня от должности редактора журнала Министерства Народного Просвещения. К. Ушинский».

Резолюция министра не заставила себя долго ждать: «Внести в приказ. Е. Путятин». Не знаем, как для Путятина, но для Ушинского решение об отставке было нелёгким, болезненным. Но он считал невозможным как отказываться от своих принципов, так и работать вместе с людьми, которых считал врагами русского просвещения. А конфликт с Путятиным оказался жёстким, Ушинский терял уважение к этому человеку и убеждался в том, что с таким министром ему не ужиться. В таких случаях Константин Дмитриевич неизменно проявлял ломоносовскую «благородную упрямку», отказываясь «грешным в след ступать».

Теперь, по прошествии полутора веков, мы можем признать, что назначение графа Путятина министром было грубой ошибкой Александра II. Волевой, неутомимый руководитель, Путятин¹, вне сомнения, немало полезного сделал для России и как флотоводец, и как дипломат, но на посту главного педагога страны он оказался в ложном положении. И, конечно, он не успевал за Ушинским, отставал от его концептуальных новшеств, в том числе — и журналистских. Сама идея специализированного, профессионального проблемного журнала казалась Путятину мертвенной, сухой, непривлекательной. Куда интереснее журнал, содержанием которого сплошь станет пресловутая «смесь» (важное для русской журналистики XIX века жанровое определение), в которой были бы и официоз, и беллетристика, и самые разнообразные трактаты, статьи, диссертации. Красиво, капитально — такого мнения придерживался не один Путятин.

Нужно признать, что и взгляд Путятина (а также и Никитенко, и многих других деятелей нашего просвещения) имеет право на существование. И такой — смешанный — журнал можно было сделать событием в культурной жизни страны. Но Ушинский, объективно анализируя тогдашнюю российскую действительность, видел необходимость в специализированном педагогическом журнале, именно такой журнал, по его мнению, был бы чрезвычайно полезен, более того — необходим. «Полезно» — ключевое слово в журналистском кредо Ушинского. Его журнал в первую очередь должен быть полезным для педагогов.

Разобраться в предложениях Ушинского (а он всегда подробно формулировал и обосновывал свои нововведения) всем было недосуг. В одном из писем, написанных после своей отставки, Ушинский в эмоциональной манере охарактеризовал педагогическое кредо Путятина: «Всё русское просвещение отдали в руки иди-

¹ Любопытно, что в 2002 г. в журнале «Детское творчество», учреждённом редакцией «Народное образование», была опубликована работа современной российской школьницы, хранящей память о своём предке — адмирале Е.В. Путятине...

оту и изуверу, который думает дать новое направление русскому просвещению и воспитанию, а следовательно, и русской истории. Университетские происшествия² вызваны глупостью, дикостью и ослиным упрямством гр. Путятина. Теперь этот барин задумал отдать все народные школы в руки духовенства. Но так как эта благая мысль забралась в голову графа, то он, боясь, чтобы его заранее не отхлестали, запретил писать что-либо о народных школах где бы то ни было и в «Журнале МНПр.». О чём же нам писать после этого?! <...> Взгляд у этого господина такой: «Всякая педагогика вздор; дитё надобно учить так, чтобы его рвало, тошнило от учения». Что вы тут сделаете?»

Добавим, что адмирала уволили с должности министра в конце 1861 г. Его уход благотворно сказался на судьбе нашего героя. Ушинский снова перешёл из стана радикальной оппозиции в стан деятельных сотрудников Министерства народного просвещения.

Однако официальная редакторская деятельность Ушинского закончилась. Преемником Ушинского на посту главного редактора журнала оказался Ю.С. Рехневский, его однокашник и друг. Новый министр Александр Васильевич Головнин предлагал Ушинскому вернуться в журнал, но Константин Дмитриевич отказался. Его влекла работа педагога-исследователя, учёного-теоретика, и десятилетие спустя сочинения Ушинского были уже признанной классикой.

Нужно воздать должное и Головнину, и Рехневскому за то, что ещё целых пять лет, вплоть до назначения министром графа Д.А. Толстого в 1866 году, журнал министерства выпускался таким, каким его задумал и преобразовал Ушинский.

В последнем, 112-м выпуске 1861 года напечатано «ОБЪЯВЛЕНИЕ об издании ЖУРНАЛА Министерства Народного Просвещения в будущем 1862 году». Своего рода лебединая песня Ушинского на посту редактора журнала. В этом объявлении сообщается, что в будущем году журнал будет выходить по той же программе, по которой издаётся со второй половины 1860 года И далее:

«Причём не лишним считаем напомнить, что в эти полтора года журнал министерства роздал безденежно своим подписчикам следующие особые приложения: Уроки географии Д. Семёнова, два выпуска; Детство человека Д-ра Гейфельдера; Начатки детского школьного учения А. Дистервега; Уроки физики А. Игнатовича и несколько библиографических указателей книг, периодических изданий и более замечательных журнальных статей. В будущем году редакция предполагает издать при журнале: 1) Продолжение Уроков физики А. Игнатовича. 2) Основные законы воспитания К. Ушинского. 3) Историю педагогики. 4) Третий выпуск Уроков географии Д. Семёнова. <...> Редактор К. Ушинский».

² Ушинский имеет в виду студенческие волнения, вызванные введением матрикул. (Прим. авт.)

П Е Д А Г О Г И К А И Д И Д А К Т И К А
возраста. Впрочем, и в общей литературе есть много произведений, пригодных для детского возраста. Только мы советовали бы не давать детям из неё ничего отрывочного, никаких выдержек, никаких описаний и сцен, хоть и художественных, однако не представляющих полного образа, каковы статьи, помещаемые в хрестоматиях. Хрестоматии хороши в применении к курсу литературы, но дети почти всегда скучают над ними. Это потому, что красоты отрывка доступны только для сознательного чувства изящного и слишком отвлечёны для детской непосредственности. Дитя прежде всего надо занять, привлечь к книге занимательностью её содержания для воображения и предоставить ему самому отыскать красоты, заключающиеся в ней.

При выборе книги для детского чтения, кроме эстетического достоинства, необходимое условие составляет и нравственное достоинство их.

По моему мнению, карикатура может быть удачна, ловка, хорошо выполнена, но никогда не может быть изящна, потому что в ней есть преувеличение, а главное условие изящного — гармония, равновесие идеи с формой.

— Но к чему всё это? — воскликнут, может быть, родители, смотрящие на воспитание с утилитарной точки зрения. Ведь мы не намерены сделать из наших детей художников или поэтов... А для простого гражданина, чиновника, офицера к чему послужит такое развитие чувства изящного?

Воспитание, прежде всего, должно стремиться к раскрытию и всесторонней разработке в человеке всего его нравственного достояния; оно, независимо от того, каково будет внешнее положение воспитываемого, должно стараться сделать из него гармонически развитого человека в пределах, поставляемых индивидуальностью каждого. А чувство изящного составляет одну из основных черт человеческой природы, так же точно, как и совесть, ум и пр.

Ш

2) О воспитании чувства истины

Понятие истины составляет потребность нашего духа; для того же, чтобы такая потребность была возможна, надо, чтобы наш дух имел предощущение безусловной истины. Это предощущение, в соединении с потребностью истины, называется чувством истины. Став нравственным качеством, т.е. возбудив к деятельности нашу волю, чувство истины становится правдивостью. Чувство исти-

П Е Д А Г О Г И К А И Д И Д А К Т И К А
ны становится побуждением к великим открытиям, исследованиям и подвигам, подстрекая фантазию, ум и волю к напряжённым исканиям и награждая человека за его усилия довольством при созерцании пройденного пути.

Чувство истины, как любопытство, уже малюго ребёнка побуждает знакомиться с внешним миром, в который он вступает гражданином. Любопытство вовсе не есть, как обыкновенно ложно думают, свойство познавательных способностей наших, ибо в любопытстве ещё не заключается знание, а только предощущение знания и потребность его.

Дети с живым нравом, сангвинического темперамента, обыкновенно обладают в высокой степени любопытством, но оно у них поверхностно и при недостатке умения воспитателя взяться за него легко переходит в любовь к новизне. Напротив, у детей с холерическим темпераментом это чувство обыкновенно глубоко и сильно и, даже предоставленное самому себе, переходит в любознательность. Меланхолики вообще гораздо более обладают чувством изящного и чувством добра, нежели чувством истины. У флегматиков любопытство находится на такой низкой степени силы, что почти вовсе не напрягает ум, который поэтому и остаётся у них в полудремотном состоянии.

Для придания чувству истины на степени любопытства большей глубины и способствования развитию его до степени любознательности следует: а) не давать ему слишком скоро удовлетворяться поверхностным знакомством с фактами, возбуждавшими его; с этой целью воспитатель должен после первого знакомства с фактом показать ребёнку другую, потом третью и т.д. стороны того же факта, знакомя с различными свойствами, признаками и качествами факта, до тех пор пока он будет вполне известен дитяти. Таким образом, чувство истины ребёнка привыкнет удовлетворяться только по совершенном усвоении умом возбуждающих это чувство фактов. б) Далее любопытство ребёнка надо возбуждать и теми фактами, которые, вследствие привычки, стали равнодушны для него: таковы явления природы и предметы, с измала окружающие ребёнка. в) Развивая самостоятельное мышление дитяти, мы также будем способствовать углублению у него любопытства. г) Наконец, надо избегать слишком рассеянной, шумной жизни для детей; беспрестанная смена ощущений и впечатлений мешает тихой жизни чувства, которое нуждается, для своего сосредоточения, в известной степени упорядоченности, безмятежности внешнего быта.

Оставив кабинет редактора журнала, Константин Дмитриевич Ушинский не оставил российской педагогической журналистики. Ещё пятилетие журнал был в руках преемников, учеников Ушинского и вплоть до нашего времени Ушинский не сходит со страниц журнала как один из самых ярких педагогов-литераторов России, как бесспорный основоположник научной педагогики.

4

Сейчас, когда в публицистике стало «хорошим тоном» помянуть недобрым словом «проклятое» советское прошлое, нам нелегко касаться темы «неизвестный Ушинский». Не хотелось бы тоже бросать камни в советское семидесятилетие, но и безоговорочно принимать практику советской идеологии, конечно, также не стоит. Исследовательский материал вообще не терпит не критического отношения к себе. Так, в преподнесении наследия Ушинского, характерном для XX века, отразилась антирелигиозная направленность советской идеологии. Сейчас мы должны знакомиться с идеями Ушинского, преодолевая искажения антирелигиозной пропаганды.

Если до сих пор с усечениями текста или искажениями орфографии издаются такие классики нашей литературы, как Пушкин и Гоголь, то вмешательство редакторских ножниц или красного карандаша с 1918 года в тексты великого педагога К.Д. Ушинского, возможно, представляется современному читате-

Пушкин и Гоголь. Худ. А.Алексеев

лю как нечто малозначащее. Увы, таковы последствия многолетней диктатуры Главлита³ — столпа всемогущей советской цензуры. Привыкли, что нещадно подвергали вивисекции тексты и Михаила Шолохова, и Эрнеста Хемингуэя, и абсолютно всех, кто хоть чем-то «не соответствовал».

И вот спустя 140 лет со времени первых публикаций мы сличаем тексты четырёх статей Ушинского в «Журнале Министерства Народного Просвещения» с напечатанными в 1988 г. в шеститомнике «Педагогические Сочинения К.Д. Ушинского», изданном издательством «Педагогика» в Москве под редакцией М.И. Кондакова.

Начинаем с работы «О нравственном элементе в русском воспитании». В «Журнале Министерства Народного Просвещения» (1860, № 11–12) статья занимает в двух номерах 63 полосы по 34 строки в каждой. Удалено же, вырезано 16 страниц плюс 25 строк в разных местах. То есть было 63 страницы, а осталось чуть больше 46. Вот так работали бдительные редакторы в надежде, что никто особенно не «полезет» в середину XIX века. Что и в самом деле трудновато сделать, а в большинстве уголков нашей страны и попросту невозможно.

Вот такой текст Ушинского редактор Кондаков разрешает напечатать: «Нравственное чувство живёт в каждом из нас точно так же, как и чувство личности, эгоизма. Оба эти чувства в виде микроскопических зародышей рождаются вместе с человеком. Но тогда как первое, то есть нравственное чувство, благороднейшее и нежнейшее растение души человеческой требует большого ухода и присмотра, чтобы вырасти и окрепнуть, другое, как всякий бурьян, не требует для своего преуспения ни ухода, ни присмотра и скоро подавляет все лучшие нежнейшие растения».

Но далее редактор почёл за благо удалить:

«САМ БОЖЕСТВЕННЫЙ СЕРДЦЕВЕДЕЦ НАШЁЛ НЕНУЖНЫМ ЗАБОТИТЬСЯ О ВОЗРАСТЕ ТОГО ЧУВСТВА: НИКТО И БЕЗ ТОГО ИЗ СОБСТВЕННОГО ПОБУЖДЕНИЯ НЕ ПОДАВЛЯЕТ СВОЕЙ ЖИВУЧЕЙ ОХОТЫ, ЭТОГО ИСТОЧНИКА ВСЯКОГО ЭГОИЗМА; *НО ПИТАЕТ И ГРЕЕТ Ю (Т.Е. ЕГО)*»⁴.

А ведь какая тут глубокая мысль! Но она задержана, как нарушитель границ.

Далее Ушинский развивает идею о влиянии центров промышленной деятельности, железных дорог и цивилизации в целом на патриархальную нравственность, которая не выдерживает этого столкновения, «поедается ею, как вековые леса пожираются пламенем пожара». Он подробно анализирует и прогнозирует судьбы разных народов мира, стоящих на пороге цивилизации. Но и это всё из текста выброшено, хотя судьбы многих стран Ушинский

П Е Д А Г О Г И К А И Д И Д А К Т И К А

Дитя прежде нежели познакомится с ложью, идентифицирует слово с делом, с фактом. Первые же уроки лживости оно получает в наставлениях, касающихся приличий. Папенька, при нём или даже самому ему, приказывает сказать пришедшему постороннему человеку, что его нет дома, тогда как ребёнок видит, что папенька преспокойно сидит в креслах, закуривает сигару и не думает идти со двора.

«Да ведь это ложь!» — возопит в первый, второй и даже десятый раз, всё слабее и слабее, возмущённое чувство истины в груди малютки.

— Это необходимая ложь! — Объясняют ему наперёбой, один перед другим, папенька, маменька, дяденька, воспитатель или воспитательница, гости, прислуга.

— Экой неуч! — говорят дитяти за то, что, следуя своей врождённой правдивости, он опровергает конвенциональную ложь папеньки, маменьки или воспитателя.

— А, плутишка — вывернулся! — в восторге восклицает воспитатель, которого питомец ловким обманом успел уйти от наказания.

— И Апостол Пётр солгал, отрёкшись от Христа, для того чтобы избежать суда, а между тем он был любимым учеником Господа и причислен к лику святых; следовательно, ложь не мешает святости.

Вот целая практическая система лживости, которая неизбежно должна мало-помалу притуплять у дитяти чувство истины. Дитя сначала убеждается, что в некоторых случаях бывает необходимо прибегать ко лжи; потом удостоверится, что бывают обстоятельства, при которых ложь удобнее и прибыльнее истины, потом уже находит удовольствие удачною ложью вызывать удивление, одобрение, смех слушателей, заставляет их пугаться, ссориться между собой и т.д. и наконец становится совершенно равнодушным к истине. Чувство истины уже не возмущается в нём, когда при нём лгут или когда ему самому приходится лгать.

IV

3) О воспитании чувства добра

Всё, что согласно с нашим нравственным законом, есть нравственное добро; несогласное с ним называется злом. Казалось бы, что это определение вполне исчерпывает понятие о добре и зле нравственном. Нисколько, потому что в него вошло далеко не всеми одинаково понимаемое слово: «нравственный закон». Что такое нравственный за-

³ Кстати, основателем и первым руководителем Главлита был главный редактор нашего журнала с осени 1917 по 1921 год П.И. Лебедев-Полянский.

⁴ Курсив К.Д. Ушинского.

П Е Д А Г О Г И К А И Д И Д А К Т И К А
кон? Неизменный ли это закон в роде законов дочеловеческой природы, каковы: закон тяготения и др.? Связан ли этот закон неразрывно с человеческой природой, обуславливает ли он её, или она может существовать и оставаться человеческой и без него?

Одна из несамобытных сил нашего духа есть нравственный закон, которого побуждение и высота совершенно зависят от степени развития всего нравственного человека.

Просвещённый воспитатель, давая питомцу своему с самого начала правильное понятие о добре и зле, непосредственно кладёт основание сообразной с этим понятием высоте нравственного закона. Другими словами: всякий ребёнок может ощутить в себе нравственный закон в самой высшей степени развития, ясности и чистоты. Всё в этом случае зависит от неиспорченности дитяти прежним воспитанием и от нравственной высоты самого воспитателя.

Чувство добра, как предощущение нравственного закона, лежит в человеческой душе в состоянии возможности; для перехода же в действительность нуждается в сообразном возбуждении. Вместо того, в нашем воспитании оно по большей части скорее подавляется непомерным развитием эгоизма.

Самая лучшая школа для побуждения и развития чувства добра, без всякого сомнения, есть родительская любовь, но не та слепая, безоглядная любовь, которая ставит себе целью счастье ребёнка в настоящую минуту, независимо от того, что из него будет впоследствии, и не та эгоистическая любовь, которая видит в ребёнке одно только собственное благосостояние, тщеславие и суетность, а любовь разумная, соединённая с пламенным желанием ребёнку того идеального внутреннего совершенства, к которому стремились, но которого не достигли сами родители.

Человек, которого детство протекло под взором любящей, умной и просвещённой матери, никогда не может в той мере утратить нравственное чувство, как тот, кто вырос незнакомый с благотворным влиянием материнской любви. Анализировать это влияние, показать — почему оно так сильно, что в состоянии, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, поддержать человека, не давая в нём вполне заглухнуть человечности — почти невозможно, да если бы и было легко, то ни к чему не повело бы, потому что влияние материнской любви ни в ка-

предсказал точно. Здесь невозможно перепечатывать все четыре страницы, хотя они интересны и, думаю, дождутся своего издателя. Мы приведём лишь маленький отрывок:

«Таков наш взгляд на необходимость цивилизации для всякого исторического народа, и если прогресс цивилизации имеет свои опасности, как всякий жизненный процесс, какие имеет и неизбежный рост дитяти, и развитие юноши, то, с другой стороны, в этих опасностях есть жизнь, есть возможность успеха, оборота к лучшему, тогда как в разложении трупа в современной жизни Китая опасности и волнений ещё больше и нет никакой будущности: опасности и волнения, без толку, без цели, без надежды отрядного исхода. Византия, на которую Пётр Великий указывал с таким справедливым ужасом тупым противникам европейской цивилизации, гнила более тысячи лет, пока дождалась *турок* (курсив наш. — В.Ч., А.З.); Китай гниёт вот уже несколько тысячелетий, и, несмотря на свой отличный *внешний* порядок, несмотря на свои сотни миллионов населения, на свои природные богатства, на своё раннее образование, на умственные способности своих жителей, не может отделаться от горсти англичан: так умирающий гигант не может приподнять руки, чтобы согнать муху, приносящую ему несносную боль. Вот, по нашим убеждениям, к чему ведёт остановка развития».

Как будто услышав критику Ушинского, Китай начал спустя 50–60 лет просыпаться. У него появились пассионарные лидеры: маршал Чан Кайши (1887–1975) и Мао Цзедун (1893–1976), а через 140 лет после пророчества Ушинского, т.е. сегодня мы уже видим Китай великой космической и ядерной державой.

А какова прозорливость Педагога по отношению к Турции! Может быть, он был тогда среди очень немногих, кто не смотрел на это государство свысока. И оказался прав. В его времена в нашей северной Пальмире строили-то всё итальянцы, а сейчас в Москве, и не только в ней, всё турки да турки возводят. И оказывается, что на отдых выгоднее и привлекательнее съездить к ним в Анталию, а не в бывший наш Крым или в родные Сочи. И наконец, третье место футбольной команды Турции (после Бразилии и Германии) в Кубке Мира 2002 года говорит само за себя.

Заметно, и даже очень, что главлитовский редактор желает скрыть от читателей Ушинского-философа и Ушинского-политолога.

Читая «выброшенные» места, убеждаешься, что Константин Дмитриевич проявил себя и как глашатай Эпохи Великих реформ Александра II. Он ярко и горячо выступает за резкое увеличение числа школ в условиях, «когда грамотность, потребность которой выказывается всё сильнее, грозит сойтись с подонками нашей литературы; когда сам народ обществами трезвости высказывает потребность нравственного преобразования — должно наконец серьёзно подумать об устройстве *русской народной школы*».

И почти сразу вслед за этим очередная купюра:

«Но разве можно обвинять высокое учение Спасителя в том, что оно не принято сердцами тех или других людей вполне или извращено лицемерами, хитросплетёнными толкованиями?» Не правда ли, звучит как упрёк самого Ушинского современным цензорам, которые вслед за цитированным выше взяли и вырезали:

«Да, повторим ещё раз, акт уничтожения крепостного состояния в России будет написан на страницах русской истории золотыми буквами и *составит эпоху и в истории народного воспитания*»⁶.

Зачем же выбрасывать, если о событиях нам говорит их современник? Нет, выбросили, вместо того чтобы осмыслить и сделать толковые выводы. Напомню, речь идёт о книге, изданной не в 1937, а в 1988 году.

И ещё отрывки из «вычеркнутого Ушинского»:

«Перечисляя прекрасные, отрадные черты в семейном воспитании нашего дворянского класса, мы, конечно, не можем пропустить той простой, тёплой религиозности, которую и теперь ещё можно встретить в большей части наших дворянских семейств, за исключением немногих, ударившихся или в модное неверие, или в гнусное ханжество. Эта религиозность редко, правда, бывает вполне сознательна, часто слишком придерживается формы, но тем не менее глубоко западает в детское сердце и иногда, пролежав в нём долго, <...> пробуждается потом вновь с необыкновенною силою. Понятно, что религия действует на ребёнка более своими формами, чем своим высоким внутренним содержанием. <...> Всякий, получивший чисто русское воспитание, непременно отыщет в душе своей глубокие, неизгладимые впечатления множества церковных песен и священнодействий, службы Великого поста и страстной недели, встречи Светлого праздника, Рождества, Крещения и всех тех годовичных церковных торжеств и служб, которые составляют эпохи в годовой жизни каждого чисто русского семейства.

Чтобы понять значение этих воспоминаний, попробуйте насильно вычеркнуть их из истории вашего детства и вы увидите, как потускнеет эта светлая, отрадная история».

Выброшено семь страниц великолепного текста. Зачем? Почему? «Так надо». А ведь Ушинский тепло прославляет таких воспитателей детей и юношества, как Пушкин, Тургенев, Аксаков, Гоголь и Диккенс. Зато очень нелестно и метко высказывается о религиозных лицемерах, атеистах, о суевериях и идолопоклонстве.

«Но если отвратителен образ человека, который, рассказывая всем о своих строгих постах и длинных молитвах, втихомолку берёт взятки и давит своего ближнего, то разве не точно ли так же отвратителен образ человека, торгующего европейскими идеями гуманности и образования?» Это ли не выбросить? Ведь слова эти — не в бровь, а в глаз многим современным толстосумам и власть предержащим.

В конце статьи Ушинский пишет о необходимости уберечь наше воспитание от внешних реформ, «хотя, конечно, очень многое можем и должны занять из опытов иностранной педагогики, но не должны забывать, что для младенца тогда только не вредна чужая пища, когда он, вскормленный молоком матери, уже приобрёл достаточно сил. <...> Такою родимую грудью является для нас наша народность и наша народная религия, соединяющая каждого из нас с каждым русским, хотя бы он скрывался далеко от глаз наших в самой тёмной массе народа или в самом отдалённом уголку нашей неизмеримой отчизны, — соединяющие нас с давно отжившими и грядущими поколениями, словом, со всем тем, что одно даёт нам прочное, историческое, а не эфемерное существование».

И ещё: «Всё минется — одна правда останется», — говорит наш народ, выражая свою веру в историю и вечную правду божественного Провидения, правду, которую часто, как и само небо, скрывают от нас туманы, поднимающиеся с нашей же земли».

⁶ Здесь — курсив наш. (В.Ч., А.З.)

Что это, как не актуальное сегодня предупреждение тем, кто, придя к власти, норовит зату- манить нашу историю и в том числе «историю Ушинского», и всю историю русской педагогики?

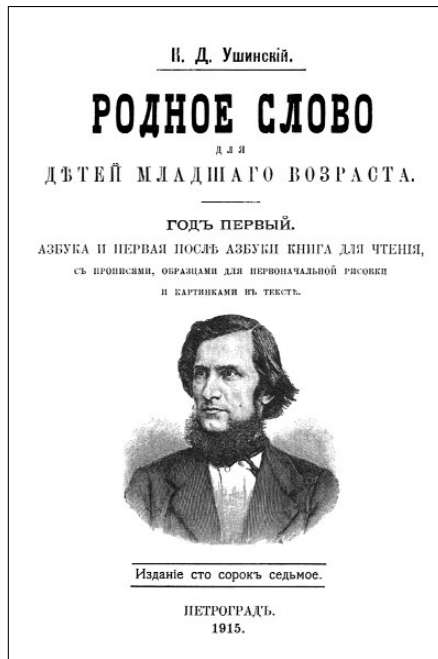
В следующем труде Ушинского, который называется «Проект учительской семинарии», среди 44 страниц зоркий советский цензор находит 9 строчек, «безусловно недопустимых». А ведь это — просто проект, предназначенный одной из отраслей нашей педагогики!.. И вот каковы купюры:

«Так, будущий приходский учитель должен приучиться к чтению Св. писания и полюбить его и, не вдаваясь в высшие богословские толкования, подробно познакомиться с значением священно- действий, таинств и обрядов. Те из воспитанников, которые обладают сколько-нибудь порядочным голосом, должны быть приучены к церковному пению, так чтобы могли упражнять в нём своих бу- дущих учеников, а вместе с тем помогать священнослужителю при совершении священнодействий».

Может быть, цензура просто боялась собственной тени? Нет, скорее тени прошлого, которая и сегодня ещё достаточно настоящая, она ещё пребывает в нас. Разве нельзя представить себе наказания учителям физкультуры быть хорошими лыжниками, а учителям пения или классным руководителям знать и уметь сносно спеть Гимн России? А многие ли из преподающих сейчас в школах разбирают- ся в обрядах Русской Православной Церкви, в сути христианских праздников и Священного писания?

Переходим к статье «Воскресные школы. (Письмо в провинцию)». Многие сейчас могут засомне- ваться в актуальности этой темы для современной России. Но... Известны ли им цифры количества бес- призорных детей в нашей стране? Иногда и скупые статистические выкладки потрясают трагизмом. Мы нередко видим беспризорников на вокзальных плитах, лежащих прямо на полу, на тротуарах, моющих автомобили «новых русских». Даст Бог, кончится безвременье, этих повзрослевших ребят понадобится всё-таки учить, — и обратимся мы за добрым, умным советом к педагогу Ушинскому.

А пока что видим: из 24-страничной статьи в общей сложности вычеркнуто около полутора страниц текста. Выброшено, например: «Не может быть ни малейшего сомнения, что воскресные школы — одно из деятельных средств для предупреждения народного разврата и тех пролетари- атских стремлений, которые не ведут, конечно, ни к чему хорошему. Задержанное развитие во

Страницы
из «Родного
Слова»

*Золотое яичко.
Вдѣ да баба, Снесла курочка яичко:

всяком живом организме выражается болезнью; таков благодетельный и вместе грозный закон природы». Комментарии излишни. Цензор «знает своё дело».

В другом изъятном пассаже Ушинский говорит о церкви, о священнодействии литургии, о внимании учащихся во время молебнов, и при этом автор наставляет преподавателей использовать всё это при построении уроков:

«Открыть в церкви для человека источник духовного развития и нравственных убеждений — высшая цель всякой народной школы: школа учит человека не многому и не долго — церковь поддерживает и наставляет его от колыбели и до могилы; но необходимо некоторое развитие и некоторое знание, чтобы пользоваться этой поддержкою и этими наставлениями».

Чтобы на Ушинского не обиделись представители иных конфессий, мы берём на себя смелость посоветовать заменить в приведённой цитате слово «церковь» на слова: «мечеть», «костёл», «пагода» или «синагога».

Просто замолчать и сделать вид, что её не было, а речь идёт о статье «5-е Марта 1861 года», конечно, было нельзя, и её публикацию «задвинули» в «Архив Ушинского», том 4 (М., 1962), смешав с ранними работами 1846–1856 гг. Публикаторы в пространным комментарии, растекаясь мыслью по древу, пишут: «Редакция нашла целесообразным не перепечатывать первую половину статьи, поскольку она является данью времени... <...> В этой второй части статьи — подлинная идейная сущность всего выступления Ушинского».

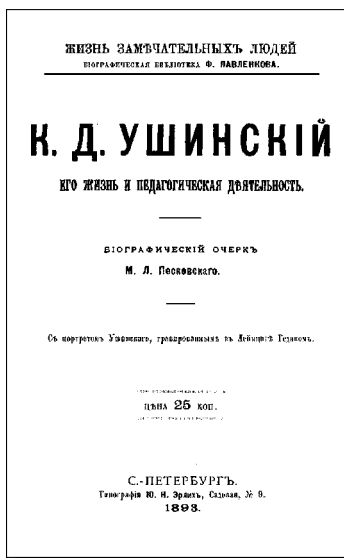
Давайте скажем правду. Речь идёт о передовой статье журнала (№ 3 за 1861 г.), которая открывает номер. В ней всего 11 страниц. Что из неё выброшено? Половина второй страницы, треть третьей, половина четвёртой, полностью пятая, шестая и седьмая страницы и часть восьмой. О чём рассказывает здесь Ушинский?

В эссе дано яркое описание праздника в Петербурге в последний день Масленицы, после оглашения в храмах Манифеста об освобождении крестьян из крепостной зависимости, подписанного императором Александром II 19 февраля 1861 года.

Ушинский предстаёт здесь как патриот Отчизны, как слуга своего народа, свято верящий в его светлое будущее, как очевидец, участник исторических событий. Не будем, однако, восстанавливать здесь вымаранное. Мы уверены, что в ближайшем будущем эта работа К.Д. Ушинского будет напечатана в первоизданном виде.

5

Время Ушинского в журнале было прорывом в педагогическую науку, попыткой сконцентрировать внимание авторов и редакторов «Журнала Министерства Народного Просвещения» на насущных проблемах учителей. Педагог и редактор надолго опередил своё время, подал пример преданности своей науке, своим взглядам на теоретические принципы и практическое наполнение педагогики.

В старинной энциклопедии об Ушинском говорится:

«Подобно Песталоцци, Ушинский даёт в руки родителей и учителей особое руководство к своему «Родному Слову», имевшее обширное влияние на русскую народную школу и остающееся лучшим пособием по методике родного языка и до настоящего времени. Большое значение следует признать и за трудом Ушинского: «Человек как предмет воспитания, опыт педагогической антропологии» (2 т., Санкт-Петербург, 1868–1869). Сочинение это выходит уже 11-м изданием и пользуется вполне заслуженной известностью. Не примыкая к последователям какой-либо определённой философской системы, Ушинский рассматривает психические явления вполне самостоятельно и даёт, между прочим, ценный анализ чувствований. Труд этот остался неоконченным; Ушинский предполагал издать ещё 3-й том, в котором хотел дать руководство по педагогике. Что касается общепедагогических взглядов Ушинского, то он успел высказаться лишь по некоторым вопросам общей педагогики («Собрание педагогических статей», Санкт-Петербург, 1875). См. Ю. Рехневский «Вестник Европы» (1872, 2); П. Чалый «Воспоминания об Ушинском» («Народная Школа», 1872); А. Фролков «К.Д. У., его жизнь и педагогическая деятельность» (Санкт-Петербург, 1893, серия Павленкова); А. Слещов «Где искать оснований здоровой педагогики?» («Современное Обозрение», 1868, 2); Н.Г. Дебольский «Опыт разрешения некоторых педагогических вопросов» («Семья и Школа», 1874, 11 и 1875, 2 и 3). В 1895 и 1896 гг., по случаю двадцатипятилетия со дня смерти Ушинского, появилось в журналах много статей о нём».

Последние годы жизни Ушинский посвятил литературной деятельности. Был он одним из самых энергичных деятелей эпохи реформ — и после ухода из журнала продолжал писать и издавать свои работы. Шестидесятые годы XIX века дали живой импульс жизни России. Образование и наука — не исключение. Ушинский ратовал за устройство учительских семинарий, горячо писал о судьбах детей и отдал немало времени и сил составлению книг для чтения и первоначального обучения — «Детскому Миру» и «Родному Слову», продолжив просветительское дело Михаила Васильевича Ломоносова. Как известно, реформа 1861 года была обусловлена рядом разнообразных предпосылок: экономических, нравственных, политических. Сказался и вклад просветителей от Ломоносова до Тургенева, показавших духовную красоту русского крестьянина, его интеллектуальный потенциал. Верил в русского мужика и Ушинский. Он-то работал без устали, чтобы была у русского крестьянина достойная его природных дарований школа.

Ушинский следил за развитием мировой науки, в его книгах видное место занимал естественнонаучный материал. В то же время Константин Дмитриевич оставался приверженцем реалистической педагогики Коменского, Локка и Песталоцци.

Об Ушинском в России сложилась обширная педагогическая библиотека. Он стал своеобразным «символом веры» русского учителя, подобно Пушкину в литературе, Суворову в военном искусстве. И это лучшее признание заслуг редактора и автора «Журнала Министерства Народного Просвещения», которым наш журнал вправе гордиться. Как-никак, дорогой читатель, перед Вами юбилейный номер, и мы вправе повторять «Гордиться, гордиться, гордиться!». Это не во вред необходимой скромности.

